

Современная трансатлантическая трансформация

РОЗАНОВ А. А.,

д-р ист. наук., проф.,

Белорусский государственный университет

Избрание Д. Трампа президентом США было встречено в западно-европейских столицах, особенно в Берлине и Париже, мягко говоря, без особого энтузиазма. Европейцев настораживали некоторые далеко не лестные высказывания нового хозяина Белого дома в адрес НАТО и ЕС в ходе президентской гонки. Однако многие на Западе все же полагали, что прямолинейная, зачастую эпатажная предвыборная риторика Трампа мало что значит, поскольку в конце концов все американские президенты в послевоенный период четко и недвусмысленно подчеркивали важность трансатлантической сцепки, т.е. тесной, «неразрывной» связи Северной Америки со странами НАТО и ЕС.

Однако в случае с Д. Трампом, этого, похоже, в полной мере так и не произошло. Мало того что новый президент язвительно прокомментировал в ряде интервью положение дел в Европейском союзе, прежде всего в контексте наплыва иммигрантов и ситуации в еврозоне, так он еще и не считал нужным в своем выступлении в новом здании штаб-квартиры НАТО в Брюсселе упомянуть приверженность США статье 5 Североатлантического договора, подразумевающей, что вооруженное нападение на натовских союзников в Европе будет рассматриваться в Вашингтоне как агрессия и против американцев. Это тем более выглядело удручающе для западноевропейцев, что, по сообщениям авторитетных американских СМИ, такие лица из администрации, как советник по национальной безопасности генерал Герберт Макмастер, министр обороны Джеймс Мэттис, госсекретарь Рекс Тиллерсон настоятельно советовали президенту зафиксировать в тексте его натовского заявления ясное упоминание о 5-й статье, Трамп же решил поступить по-своему, видимо, не до конца осознавая политические последствия такого шага.

И хотя потом последовали запоздалые заверения представителей администрации, да и самого президента, относительно верности США этому ключевому обязательству по Вашингтонскому договору, неприятный осадок все же остался. Причем тут же забили тревогу как европейские, так и американские эксперты. И поэтому отнюдь не случайно

американский журнал «Атлантик» охарактеризовал первую поездку Дональда Трампа в Европу как «катастрофу» для отношений США с европейскими союзниками.

Особенно болезненно трамповские манеры и высказывания восприняты в Германии, традиционно считавшейся в годы холодной войны самым верноподданным (после Великобритании, конечно) союзником США в Европе. Правда, существенные элементы американско-германского разлада обнаруживались и раньше. Ключевую роль в свое время сыграло открытое несогласие канцлера Г. Шредера с затеянной Дж. Бушем-мл. авантюрой в Ираке в 2003 г. Да и при Б. Обаме, избрание которого президентом США поначалу было встречено в Германии с восторгом, отношения по линии США-ФРГ по сути так и не получили позитивной динамики. Можно даже сказать, что на деле они лишь ухудшались.

Масла в огонь подлил Э. Сноуден, который раскрыл, что Агентство национальной безопасности США прослушивало разговоры руководителей ФРГ, возможно, включая и самого канцлера А. Меркель. В июне 2014 г. Германия предприняла беспрецедентную акцию, заставив покинуть Берлин главного эмиссара спецслужб США в ФРГ. Хотя справедливости ради уточним, что позднее выяснилось: разведке Германии удалось подключиться к телефону Х. Клинтон, но это осталось как бы за кадром.

Показательно, что если в конце президентства Б. Обамы доверие к нему высказали 86% немцев, то в конце июня 2017 г., согласно данным опросов общественного мнения, только 11% жителей Германии сказали, что они доверяют Дональду Трампу в его международной политике.

Таким образом, сегодня очевидно, что отношения ФРГ и США, фактически центрального звена трансатлантического союза (доли США и ФРГ в общем бюджете НАТО как организации составляют, соответственно, 22 и 15%), переживают сложные времена, если не сказать — находятся в кризисной точке. После майского красноречивого вояжа Д. Трампа в Европу А. Меркель откровенно сказала, что теперь европейцам надо надеяться только на самих себя, а не ждать милостей от заокеанского партнера, в том числе, разумеется, заняться строительством подлинно автономной политики безопасности и обороны в рамках ЕС. Обращают на себя внимание разного рода предложения о создании некоей «европейской армии», причем тон в этих дискуссиях теперь нередко задает именно ФРГ (вместе с Францией).

Заметим, что сама идея создания полноценного оборонного компонента ЕС не может вызывать серьезных возражений. Стремление европейцев к самостоятельности в вопросах безопасности, их намерение уйти из-под опеки США в военно-политической сфере, пожалуй, можно было бы только приветствовать. И их несложно понять — громогласные, явно малоквалифицированные высказывания Д. Трампа о том, что многие европейские страны, включая в первую очередь ФРГ (в 2016 г. она затратила 1,2% ВВП на военные цели), долгое время недоплачивавшие до 2% ВВП на оборону, якобы нечто «задолжали» США и НАТО и должны вернуть эти долги, выглядят, прямо скажем, странными.

В этих условиях вполне понятно, что ФРГ, все более заметно набирающая вес в европейской и мировой политике, оказывается в авангарде усилий по строительству европейской обороны, независимой от прихотей заокеанских партнеров.

При этом важное значение придается реализации концепции «рамочных наций» (КРН) — немецкой инициативы, датированной 2013 г. Ее автором считается тогдашний министр обороны ФРГ Т. де Мезьер. Исходя из потребности повысить эффективность взаимодействия членов Атлантического альянса, де Мезьер предложил перейти от национального формата оперативного планирования к кластерному. Согласно КРН, европейские страны должны формировать кластеры из крупных и мелких государств во главе с «рамочной нацией». Являясь ядром кластера, «рамочная нация» предоставляет свое командование, логистику, управление и разведку и осуществляет общее руководство в своей группе. Малые страны, в свою очередь, могут подключать свои специализированные ресурсы к «рамочной нации» и совместно с ней решать задачи, которые они не могли бы выполнить в одиночку.

После появления в 2013 г. КРН преемница де Мезьера на посту министра обороны Урсула фон дер Ляйен вновь представила ее на Мюнхенской конференции по безопасности 31 января 2014 г. Она пояснила, что речь идет о «европейском ответе на европейскую проблему», подчеркнув, что такой подход «имеет потенциал для усиления и НАТО, и ЕС». Кроме того, по ее словам, КРН позволит «исправить дисбаланс в разделении бремени, как с США, так и внутри Европы». Позднее стало известно, что ФРГ возьмет на себя функции «рамочной нации» в Центральной Европе.

Эксперты Германского института по международным делам и безопасности выделили три цели, которые ФРГ преследует, получив соб-

ственный кластер со статусом «рамочной нации». Во-первых, привлечение вклада малых стран — возможность для Бундесвера восстановить потенциал, «срезанный» в результате сокращения военного бюджета в предыдущие годы. Во-вторых, поскольку союзники «не хотят публично признать масштаб их зависимости от партнеров», в данном случае появляется шанс «поднять уровень международного оборонного планирования». В-третьих, Германия получает возможность предложить собственную инициативу в рамках НАТО, «разрушая образ пассивного союзника, заинтересованного в сохранении статус-кво».

Иными словами, основная идея, которую преследует ФРГ, выдвинув концепцию КРН, по сути дела сводится к тому, чтобы разделить с малыми странами свои военные ресурсы в обмен на привлечение их вооруженных формирований, как бы восполняя тем самым заметно сократившуюся численность Бундесвера (если после окончания холодной войны в Бундесвере было 370 тыс. военнослужащих, то к 2017 г. — 178 тыс.).

На саммите НАТО в Уэльсе в сентябре 2014 г. 10 стран Центральной Европы проявили интерес к возможности сгруппироваться вокруг Германии как «рамочной нации». Однако у них были определенные опасения относительно немецкой культуры «военной сдержанности» (нежелание ФРГ применять военную силу, как это было в Ливии в 2011 г., сложности, связанные с необходимостью получить мандат бундестага на проведение военной операции и др.).

Тем не менее реализация КРН начала набирать обороты. Две голландских бригады были интегрированы в командную структуру Германии, одна из них вошла в состав дивизии быстрого реагирования Бундесвера, а другая — в 1-ю бронетанковую дивизию. После саммита НАТО в Кардиффе страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония), Румыния, Болгария и Словакия официально присоединились к КРН. В феврале 2017 г. Чехия и Румыния выразили желание предметно сотрудничать с ФРГ в рамках КРН. Румынская 81-я механизированная бригада будет интегрирована в немецкую дивизию быстрого реагирования, а чешская 4-я бригада быстрого развертывания — в состав 10-й бронетанковой дивизии Бундесвера. Это дало основания авторитетному американскому журналу «Форинполиси» сделать вывод о том, что под командованием ФРГ создается нечто подобное «европейской армии».

11 сентября 2016 г. министры обороны Франции и Германии выступили с инициативой кардинального обновления общей оборонной политики

ЕС. Предложение предусматривало осуществление программы создания европейских самолетов-заправщиков и систем спутниковой связи. В плане также указывалось на необходимость защитить шенгенскую зону в рамках Европейского оборонного союза. Совместный документ был передан Верховному представителю по внешней политике и безопасности ЕС Ф. Могерини. 16 сентября 2016 г. Франция и Германия на неформальном саммите с участием лидеров Евросоюза в Братиславе представили план по созданию «совместной военной силы», который «будет соперничать с НАТО по военному потенциалу».

14 ноября 2016 г. главы МИД и военных ведомств стран — членов Евросоюза одобрили план по имплементации новой стратегии политики безопасности и обороны, который, однако, не предусматривает создание единой «европейской армии». Евросоюз, как пояснила Ф. Могерини, намерен рационализировать существующие оборонные структуры, но не собирается создавать собственный генштаб и решать задачи коллективной обороны, которые относятся к сфере ответственности НАТО или являются компетенцией отдельных стран.

В начале марта 2017 г. стало известно, что в Европейском союзе создается Центр военного планирования и управления зарубежными небоевыми операциями. Такой план единодушно одобрили на встрече в Брюсселе министры иностранных дел и обороны всех стран — членов ЕС. Новая штаб-квартира будет координировать совместные операции в ЕС и за его пределами, не дублируя и не ослабляя НАТО. Участия в каком-либо военном вмешательстве не предполагается. На первых порах из Брюсселя будет осуществляться руководство уже ведущейся подготовкой военных и гражданских кадров в Мали, Сомали и Центральноафриканской Республике.

1 июня 2017 г. министры обороны Франции и Германии заявили, что они будут более решительно продвигать инициативы в рамках создания европейской оборонной силы. При этом будет задействован механизм «постоянного структурного сотрудничества» Евросоюза, позволяющий группе стран, заинтересованных в усилении оборонного измерения ЕС, осуществлять конкретные шаги в этом направлении без участия всех членов союза.

22 июня 2017 г. на саммите ЕС такой подход был одобрен при обсуждении вопроса о перспективах оборонной политики Европейского союза. В течение трех месяцев должны быть разработаны критерии для

тесного военного партнерства и конкретные проекты в соответствии со статьями 42(6) и 46 Договора о Европейском союзе и Протокола 10 к нему. Участники саммита договорились также о создании Европейского оборонного фонда, из которого будут финансироваться разработки систем вооружений и их совместные закупки.